

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Для теоретико-правовой науки изучение сущности и содержания юридической практики, процессов ее развития, воспроизводства и условий совершенствования на протяжении десятилетий являются актуальными. В условиях построения демократического правового социального государства и гражданского общества требуется постоянное развитие и конкретизация вопросов юридической практики. Рассматривая юридическую практику как элемент правовой системы, можно сказать, что она наряду с экономической, политической и социальной системами объединяет определенные правовые явления в обществе.

Интерес научного сообщества к вопросам изучения юридической практики существенно повышается в современных условиях развития государства, когда очевидно, что в связи с некоторыми изменениями в правовой жизни эффективность различных видов юридической практики (судебной, правоохранительной и др.) требует подробного научного анализа и осмысления. В связи с этим более остро осознается невозможность построения правового государства только за счет совершенствования действующего законодательства.

Юридическая практика – это организующий элемент правовой системы и ее неотъемлемое звено. Она способствует развитию государства, его интеграционным процессам, объединяет субъективные права граждан и их юридические обязанности, предписания государственных органов и принимаемые на их основе правоприменительные решения. Юридическая практика выполняет важную функцию в обеспечении функционирования и развития правоохранительной деятельности.

Ее социальный и преобразующий характер, значение для правоохранительной деятельности проявляются в рамках реализации определенных функций. Не стоит забывать, что в ходе юридической практики осуществляются различные процессы, в том числе и познавательные, которые направлены на правильное понимание и осмысление изменений, на выработку тенденций данного регулирования, что имеет важное значение при решении вопроса о востребованности итогов юридической практики и результатов правоохранительной деятельности.

Юридическая практика накапливает, а затем предоставляет обществу информацию о различных сторонах правовой жизни. Эта информационная база позволяет улучшить эффективность и качественное своеобразие правового регулирования общественных отношений, способствует обеспечению динамизма правовых явлений.

Юридическая практика прогнозирует возможные изменения и тенденции развития правовой сферы, выявляя закономерности функционирования правовой системы государства.

В настоящее время учеными подробным образом рассмотрены вопросы, относящиеся к определению специфических характеристик юридической практики, но несмотря на это, в отечественной научной литературе практически нет работ, посвященных соотношению юридической практики и юридической деятельности и их ограничению. Поэтому одним из важных вопросов является теоретико-правовая оценка трактовки понятия «юридическая практика» и ее соотношение с понятием «юридическая деятельность». Одна группа ученых (И.Я. Дюрягин, Т.Н. Радько и др.) отождествляет юридическую практику с юридической деятельностью. Другие ученые (например, С.С. Алексеев) относят к юридической практике лишь итоги, результаты юридической деятельности. Некоторые ученые (В.К. Бабаев, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Ю.К. Осипов) рассматривают юридическую практику в неразрывном единстве юридической деятельности, ее итога и социально-правового опыта (социально-правовой памяти).

По мнению В.Н. Карташова, юридическая деятельность – фундаментальный компонент юридической практики. С помощью определенных средств и приемов юридическая деятельность способствует практическому преобразованию различных сфер общественной жизни, и обобщенные результаты ее осуществления образуют социально-правовой опыт – другой компонент юридической практики. По мнению указанного автора, ошибочность некоторых взглядов состоит в том, что в одном случае из юридической практики исключается такой важный элемент, как юридический опыт, в другом допускается другая крайность – противопоставляются результаты деятельности, не учитывается тот факт, что практическое преобразование общественной жизни происходит не только с помощью решений и положений, выражающих итоговую сторону юридической деятельности, но и непосредственно при осуществлении организационно-конструктивных действий и операций компетентных органов.

В.Н. Карташов полагает, что предпочтительнее позиция, когда любой вид юридической практики рассматривается в неразрывном единстве правовой деятельности специально уполномоченных субъектов и сформированного на ее основе социально-правового опыта. Такой подход позволяет не только установить место юридической деятельности по отношению к юридической практике, но и точнее определить природу последней – значение правового опыта в механизме правового регулирования.

В социально-правовом опыте находят отражение дискуссионные вопросы юридической деятельности, основные направления их разрешения; содержатся ориентиры правового творчества, применения, конкретизации, разъяснения правовых предписаний, образцы юридических действий, рационального использования средств и приемов выполнения, типичные выводы и заключения по тем или иным сложным проблемам юридической практики. Значение социально-правового опыта выражается в том, что он характеризует предшествующую, ретроспективную юридическую деятельность разнообразных субъектов. Кроме того, поскольку в правовом опыте находит закрепление все рациональное, передовое, прогрессивное, он играет значительную роль в актуальной, современной и будущей (перспективной) юридической деятельности. Методологически весьма существен и тот факт, что в содержание юридической практики входит только материально-преобразующая сторона юридической деятельности.

В.Н. Кудрявцев рассматривает юридическую деятельность как совокупность действий и операций (поступков), направленных к единой цели. Б.И. Пугинский под юридической деятельностью понимает совокупность действий государства в лице его органов, организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых

рычагов при решении экономико-социальных задач. Следует согласиться с мнением В.Н. Карташова, который под юридической деятельностью понимает лишь такую опосредованную правом трудовую, управленческую, государственно-властную деятельность компетентных органов, которая нацелена на выполнение общественных задач и функций и удовлетворение тем самым как групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов.

Исходя из вышеизложенного следует, что любой вид юридической практики рассматривается в неразрывном единстве с юридической деятельностью специально уполномоченных субъектов и сформированным на ее основе социально-правовым опытом.

УДК 342.738

А.А. Шкробот

ДОСТУП ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН В СЕТЯХ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ

В настоящее время в деятельности правоохранительных органов распространена практика проведения осмотра компьютерной техники и радиоэлектронных устройств, в ходе которого первенствующее значение придается информации, хранящейся и передающейся по сетям электросвязи, а не полученной при внешнем осмотре устройства.

В процессе осмотра осуществляется доступ к информации, которая содержится не на самом устройстве, а в так называемых облачных хранилищах. Данные в них обрабатываются и хранятся на удаленных друг от друга устройствах, однако представляются пользователю в качестве единого программного интерфейса. Примером информации, находящейся в облачных хранилищах, является использование электронной почты, персональных страниц в социальных сетях. Такие хранилища находятся за пределами Республики Беларусь, изъять физические носители информации не представляется возможным и реальным, однако необходимость исследования таких хранилищ очевидна. Электронные устройства с личной информацией граждан подвергаются осмотру в основном в случаях расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, распространением порнографии, педофилией, мошенничеством, экстремизмом и терроризмом. С такими видами резонансных и опасных преступлений, безусловно, следует бороться с помощью всех доступных средств и методов, но ни в коем случае не нужно забывать о презумпции невиновности и неприкосновенности личной жизни.

При осмотре осуществляется доступ к информации о контактах человека: его аудио- и видеосоединениях, дислокации в различные периоды времени, переписке с другими лицами, фотографиях и видеозаписях, фонограммах телефонных и иных переговоров, платежных и банковских счетах, данных о покупках и почтовых отправлениях и т. д. Особенность этих действий состоит в том, что органы дознания и следствия в настоящее время могут осуществлять вмешательство в личную жизнь граждан без оценки такой необходимости со стороны прокуратуры.

Компьютерное устройство является формальным объектом осмотра, так как, по сути, это лишь инструмент доступа к облачному хранилищу. Произвести соответствующий осмотр можно, используя любое устройство, если известны необходимые для авторизации реквизиты – имя пользователя (адрес электронной почты, номер телефона и т. д.) и пароль.

Возникает справедливый вопрос: «Что необходимо осмотреть: конкретный компьютер или данные на облачном хранилище конкретного пользователя?» Но в настоящее время данные на облачном хранилище не могут являться самостоятельным объектом осмотра.

В связи с этим особую проблему представляет собой порядок использования доказательств, сохраненных в сети Интернет. Согласно ст. 88 УПК Республики Беларусь источником доказательств в данной ситуации является протокол следственного действия, т. е. осмотра конкретного компьютера как предмета материального мира, который не имеет абсолютно никакого отношения к файлам и информации, важной для уголовного дела и хранящейся в сети Интернет. Компьютерное устройство в данном случае не должно являться самостоятельным объектом осмотра, а лишь быть научно-техническим средством, которое используется при его проведении. В части второй ст. 204 УПК предусматривается возможность использования научно-технических средств, но средство не может использоваться для осмотра себя же.

Исходя из того, что необходимая следствию информация находится на устройствах хранения конкретного юридического лица (пусть и за рубежом), по логике действующего УПК такая информация должна предоставляться в порядке ст. 103 УПК, то есть по требованию органа уголовного преследования о представлении информации, и рассматриваться как иные документы и носители информации.

Согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» информация о частной жизни физического лица и персональные данные являются информацией, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Правда, закон не уточняет, как получать доступ к такой информации, ссылаясь на неконкретизированные иные законодательные акты Республики Беларусь. Следовательно, в законодательстве зафиксировано, что информация о частной жизни должна особым образом охраняться, однако законом не регламентирован порядок доступа к такой информации. Ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве (как и в административно-процессуальном) норм об охране и гарантиях неприкосновенности информации о личной жизни, хранящейся и передаваемой при помощи электронных систем и устройств, права граждан несправедливо ограничиваются, так как не разработаны обычные для таких ситуаций процедура и порядок.

Любая информация, как хранящаяся на самих электронных устройствах, так и передаваемая при помощи электронных систем связи, может содержать данные о личной жизни. Всякое обращение к этой информации будет ограничивать право личности на неприкосновенность личной жизни, именно поэтому такая информация должна стать объектом правовой охраны в Уголовно-процессуальном кодексе в первую очередь.